

РАЗДЕЛ IV. НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ

УДК 930.85

Лиджеева К.Ф., Олчанова Ц.В.

Калмыцкий государственный университет (г. Элиста)

ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ И В КАЛМЫКИИ В ПРОЦЕССЕ ЭТНО-АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ 1920-х гг.

K. Lidzheeva, Z. Olchanova

Kalmyk State University, Elista

THE PROBLEMS OF EDUCATIONAL POLICY IN THE NORTHERN CAUCASUS AND KALMYKIA IN ETHNO-ADMINISTRATIVE TRANSFORMATIONS OF THE 1920s

Аннотация. Моделирование этнической территории и связанное с ним становление образовательной сферы в таком многонациональном крае, как Юг России, в начальный период советской модернизации 1920-х гг., было достаточно сложным и противоречивым процессом. Их реализация была связана с решением государством административно-территориального вопроса, в межэтническом же взаимодействии проявлялись тенденции как интеграции, так и дезинтеграции. Цель статьи – рассмотрение проблем образовательной политики в указанный период на Северном Кавказе и в Калмыкии в связи с этноадминистративными изменениями.

Ключевые слова: модернизация, трансформация, образование, Северный Кавказ, Калмыкия.

Abstract. Modeling ethnic territory and related educational sphere in such a multinational region as the South of Russia in the early period of Soviet modernization of the 1920s was quite a difficult and controversial process. Its implementation was connected with solving administrative-territorial issue by the Soviet government. Inter-ethnic interaction was marked both by integration and disintegration. The purpose of this article is to consider the problems of educational policy in the northern Caucasus and Kalmykia in connection with ethno-administrative changes of the period.

Key words: modernization, transformation, education, the northern Caucasus, Kalmykia.

Началом адаптации народов Юга России к модернизационным изменениям, имевшим место в России во второй половине XIX века, стало в том числе распространение среди них современных на то время форм образования и культуры. В Ставропольской гимназии в период с 1850-го по 1887 гг. прошли обучение 1739 представителей Северного Кавказа [1, 77]. В дальнейшем различные виды образовательных учреждений появились во всех округах Кубанской, Терской и Дагестанской областей, но тем не менее, по данным переписи населения 1897 г., грамотность населения Дагестана составляла 9,2%, Адыгеи – 7,0%, Карачая – 4,6%, Ка-

барды – 3,2%, Балкарии – 1,4% [8, 342-343]. К концу XIX в. ощутимых качественных сдвигов так и не произошло, а получение светского образования оставалось делом весьма проблематичным. В отчете попечителя Кавказского учебного округа за 1914 год приводятся следующие данные: во всех мужских гимназиях и прогимназиях округа из общего количества учащихся 14137 человек, учеников-горцев всего было 230, или 1,6%, в 25 реальных училищах – из 8310 учащихся горцев было всего 526 или 6,3%, в технических училищах учащихся-горцев всего 23 человека (3,3%), в 23-х промышленных училищах округа из 1925 учащихся горцев всего 43 чел. (2,0%); в среднем же, из получающих общее и профессиональное образование, представители Северного Кавказа составляли всего 3,06% от общего количества учащихся, причем имеется ввиду только обучение мальчиков и юношей, об образовании девочек речи даже не идет [1, 77]. Специфические особенности имело и просвещение поволжских калмыков Астраханской губернии, большая часть которых продолжала придерживаться кочевого быта, а количество владеющих русской грамотой в начале XX в. едва достигало 0,2 – 0,3 % [2, 124].

Еще одной трудной проблемой являлась подготовка профессиональных учителей из числа народов Юга России в педагогических учебных заведениях округа (учительских институтах, учительских семинариях и т. д.). Так, в Кавказском учебном округе в указанный период было учреждено всего три учительских института (ранее их совсем не было). Кроме того, у большинства народов отсутствовала письменность на родном языке, попытки решения данного вопроса общественностью не получили должной государственной поддержки. Несмотря на такие обстоятельства, все-таки постепенно складывалась небольшая прослойка местной интеллигенции. Необходимо сказать, что политика правительства в области культуры и просвещения на рубеже XIX-XX вв. являлась частью более масштабной политической цели. Прежде всего, осуществление

государственных задач в Южной России способствовало консолидации народов. Не случайно данный период становится эпохой трансформации этнической карты территории, изменения этнических территорий и демографической структуры края.

При проведении государственной политики административно-территориального размежевания прежде всего предполагалось, что совпадение границ с этническим расселением станет залогом стабильности. Начавшееся укрупнение поселений в ходе проведения земельной реформы способствовало преодолению внутриэтнических делений. Процессы переселения людей на Северный Кавказ с горных территорий, где плодородные земли практически отсутствовали, на равнину, привели к ощутимым изменениям в этнической карте и идентичности северокавказских обществ. В результате таких миграций здесь появились достаточно большие, крупные поселения, что способствовало процессам межэтнической консолидации. Данный процесс отразился и в Калмыкии, где укрупнение аймаков также способствовало «расконсервации» мелких аймачных общин. Они теперь уже формировались по территориальному признаку и количественному составу населения. Таким образом, российское правительство признавало состоявшийся кризис прежнего этнического принципа административно-территориального деления, и это разграничение, установившееся в Южнороссийском регионе, было осуществлено в результате преобразований с учетом этнодемографических особенностей местностей, но, прежде всего, с соблюдением необходимого условия для развития – принципа единой территории.

После октябрьских событий 1917 г. народы Юга России были включены в соответствующие автономные образования, основной задачей которых становилась ликвидация фактического неравенства и обеспечения народам более широких возможностей собственного развития. Достижению этой цели способствовало то обстоятельство, что в этот процесс вовлекалось местное население

ние, определенную роль сыграла и необходимость упрочения здесь позиций советской власти. Но при этом, чтобы не стимулировать «националистических тенденций», просматривалось стремление к возможно более крупным территориальным объединениям с учетом национальной специфики. Примером тому было образование Горской автономной Советской Социалистической Республики (ГАССР) как своеобразной модели государственного регулирования в условиях полиэтничности, которая оказалась недолговечной, несмотря на присутствие в регионе внутренних интеграционных тенденций.

Если обратиться к политическому опыту первых лет существования автономий, то его, скорее всего, нужно оценивать с позиции их соответствия национальным интересам северокавказских народов. Выделяя основные черты, осуществленного этими народами исторического выбора, А.Х. Боров указывает на ряд элементов [1, 77]. Прежде всего, это был не только выбор в пользу государственного единства с Россией, но и выбор перспективы развития, то есть общественного и культурного прогресса, а не попыток возврата к прошлому. Разумеется, исход событий вряд ли зависел от небольших народов, остававшихся на периферии российской модернизации конца XIX – начала XX вв. Но тем не менее народы региона во главе с собственными просвещенными элитами в известной мере, так или иначе, стремились включиться в модернизационные процессы. Кроме того, это был выбор в пользу национально-государственной, а не региональной («горской») автономии. Но этот выбор имел и другой смысл. В условиях интенсивной преобразовательной политики новой власти национально-государственная «форма» развития процессов социальной и культурной модернизации превращалась в единственную гарантию поддержания своей культурно-исторической идентичности.

На протяжении первого десятилетия советской власти основным направлением в ее политике было приобщение и привлечение местного населения к советским поли-

тическим и общественным институтам. Но вместе с тем административно-территориальная структура в эти годы не определялась только национальным фактором, а главным курсом в решении таких вопросов была «советизация» общества, а не интересы национального самоопределения различных групп населения внутри республики или области. Поэтому реализация многих принципов национально-государственного строительства, в частности моноэтничность административных единиц, была крайне затруднительна. Значимые этносоциальные изменения здесь были связаны с форсированием советскими органами власти процессов межэтнической консолидации малых народов с более многочисленными народами. Компромиссный вариант в виде образования двойных автономий не только не решал проблему, но и выявлял новые противоречия, поскольку были объединены народы, имеющие различное происхождение и культурные традиции, что не являлось причиной межэтнических конфликтов само по себе, но было фактором их обострения. В результате более десяти народов в 1930-е – 1950-е гг. утратили самостоятельность [4, 196-199]. Поэтому невозможно изолировать «национальную» политику советской власти в регионе от ее идеологических целей и экономических задач. При решении административно-территориальных вопросов в то время предполагалось, что при районировании основой должны стать пролетарские центры, а окружающая их территория обеспечивает нормальное развитие главных отраслей промышленности. Их, как известно, на Кавказе и в Калмыкии практически не было, и, кроме того, установление административных границ было тесно связано также с земельным вопросом, к решению которого власть приступила в начале 1920-х годов [7, 14].

В целом на протяжении 20-х гг. XX в., при сохранении национального оттенка, проблема межэтнических отношений и этнополитической структуры советских автономий, в том числе и на юге страны, не являлась основополагающей. Фундаментальное зна-

чение приобретали не взаимные отношения народов, а те изменения в условиях их существования, которые заключались в социально-экономической и культурной политике советского государства. В данный период политика в области просвещения и культуры была наиболее заметной реализацией всего нового, что внедрялось советской властью. Естественно, она преследовала собственные идеологические и политические цели, а также противостояла ряду жизненно важных для южнороссийских народов этнокультурных традиций, объявленных «пережитками прошлого». Вместе с тем она решала и задачи повышения культурного уровня, формировала инфраструктуру культурного развития населения.

Ключевым аспектом национальной политики в первые десятилетия советской власти была политика коренизации советских органов власти через развитие местных языков, использование их в политической и хозяйственной жизни. Это позволяло создать модель развития, при которой не было необходимости отказываться от национальной культуры ради прогресса. Особое внимание при «проведении коренизации культурно-просветительской сети» обращалось на создание письменности у народностей, не имеющих ее, унификацию алфавитов, издание учебной литературы, подготовку учителей, знающих язык, быт, обычаи и историю народа, которые могли бы осуществлять обучение и воспитание детей в духе интернационализма. Начало полной коренизации, например, адыгейской аульской школы было положено в 1927/1928 учебном году по плану, разработанному краевым отделом народного образования для всего Северного Кавказа.

Национальный язык в рамках единой территории был, есть и будет единственным реальным признаком всякой национальности. Реализация литературного языка как единой языковой культуры определенной национальности означает действительное самоопределение и культурное возрождение. Но внедрению грамотности среди населения, а также обучению детей в школе на родном

языке препятствовало отсутствие своей национальной письменности. Используемый арабский алфавит не отражал особенностей языков народов Северного Кавказа. Вместе с исламской религией здесь распространялся тот алфавит, который употреблялся для переписки священных книг. Арабские буквы с их надстрочными и подстрочными диакритическими знаками затрудняли чтение и письмо, усложняли издание книг на национальной языке. Поэтому письменность у ряда северокавказских народов в конце 1920-х гг. была переведена на латинскую, затем на русскую основу письма. Аналогично обстояла ситуация и со сменой старокалмыцкой письменности «Тодо бичиг» (ясное письмо). При сравнении данных периода модернизационных процессов на рубеже XIX – XX вв., которые приведены в начале, со статистикой периода советской модернизации, соответственно видна существенная разница.

В качестве примера можно привести Кабардино-Балкарскую автономную область. Например, на III съезде Советов Кабардино-Балкарии, состоявшемся в декабре 1923 г., местным органам власти было поручено повсеместно организовать общеобразовательную школу. В конце 1925 г. здесь функционировали 157 школ первой ступени, в которых обучалось 9560 учеников, или 25,6% всех детей школьного возраста против 0,08% в 1920 г., квалифицированные работники из разных национальностей Северного Кавказа готовились в учебных заведениях многих городов страны, в частности, в 1921 г. за пределами своей области училось всего 200 кабардинцев и балкарцев, а в 1925-26 гг. уже 685 человек [1, 121]. Особое внимание уделялось подготовке учителей. Так, на различных курсах в 1923-1926 гг. было подготовлено 270 кабардинцев и балкарцев [подсчитано по: 6, 105]. Благодаря государственной поддержке была создана письменность на кабардинском и балкарском языках, что сыграло важную роль в повышении их грамотности. Например, если к 1917 г. грамотность среди кабардинцев и балкарцев составляла 2-3 %, то к середине 1920-х гг. она возросла у кабардин-

цев до 11,2% и у балкарцев – до 7,5% [8, 47]. Активная работа наблюдалась в этот период и в Калмыкии, где были достигнуты неплохие результаты. Если в 1924 г. в области было 75 начальных школ, 4 школы II ступени, 8 детских домов, 2 техникума, а школьным обучением было охвачено 6750 (около 20%) детей школьного возраста, то в 1927 г. было уже 140 начальных школ, 5 школ II ступени, 8 детских домов и 2 техникума, а школьным обучением было охвачено 9640 учащихся [5, 242.].

В Южнороссийском регионе, как и по всей стране в этот период, внимание уделялось массовому обучению, и, прежде всего, просвещению женщин. На основе данных переписи 1920 г., на Северном Кавказе на тысячу женщин приходилось всего 215 грамотных [3, 24]. Поэтому эта работа считалась главным условием, без которого невозможно было бы привлечь женщин к общественно полезному труду, участию в управлении государством. Конечно, внедрение светской системы воспитания и образования проходило непросто, так как население, жившее веками в соответствии со сложившимися традициями, не могло сразу воспринять смысл и назначение новых модернизационных изменений. К концу 1920-х гг. в области началась антирелигиозная кампания, сопровождавшаяся закрытием мечетей, медресе, хурулов, религиозных школ, репрессиями против духовенства. Подобная ситуация складывалась и в других национальных образованиях Юга России.

Таким образом, этнический фактор и национальная идея в первое десятилетие Со-

ветского государства являлись механизмом укрепления и стабилизации советской государственности в Южнороссийском регионе, но к началу 1930-х гг. начал осуществляться переход к «социалистическому огосударствлению», причем понимаемому преимущественно в «узком» смысле народнохозяйственной «целесообразности» [9, 3].

ЛИТЕРАТУРА:

1. Боров А.Х. Северный Кавказ в российском цивилизационном процессе. Нальчик: Эльбрус, 2007. 298 с.
2. Ефремова Е.Ф. Очерки истории школьного образования Калмыкии. Дис... канд. пед. наук. Л., 1969. 236 с.
3. Информационный бюллетень общества «Долой неграмотность». 1925. 25 октября.
4. Карпов Ю.Ю. Россия и этносоциальные процессы на Северном Кавказе в новое и новейшее время // Россия и Кавказ сквозь два столетия. Исторические чтения. СПб.: Журнал «Звезда». 2001. С. 190-202.
5. Очерки истории Калмыцкой АССР. Эпоха социализма. М.: Наука, 1970. 432 с.
6. Сабанчиева В.С. Становление советской системы подготовки учителей Кабардино-Балкарии // Педагогика. 2009. № 6. 103-109 с.
7. Хлынина Т.П. Казачество и проблемы национально-территориального размежевания на Северном Кавказе (1920-е гг.): URL: <http://www.slavakubani.ru> (дата обращения 23.07.2011. 17:05).
8. Хурцаева Э.Ш. Разработка политики советского государства в сфере народного образования и её реализация на Северном Кавказе в 20-30-е гг. XX в.: Дис... канд. ист. наук. М., 2004. 202 с.
9. Цуциев А.А., Дзугаев Л.Б. Северный Кавказ. 1780-1995. История и границы. Владикавказ: Проект-Пресс, 1997. 78 с.